

Пеон и цезура

Юнусова Аделия

18+

Аделия Юнусова

Пеон и цезура

«Автор»

2026

Юнусова А. Т.

Пеон и цезура / А. Т. Юнусова — «Автор», 2026

«Жизнь — суть поэзия, а смерть — сплошная проза». Эти слова Бориса Рыжего стали эпиграфом и ключом к циклу из семистихотворений — семи ступеней одной человеческой судьбы. Рождение — с первой затяжкой воздуха и первым криком, который станет потом стихами. Детство — где ангел является в бреду и обещает покой «зачертой». Юность — где любовь оборачивается смертью, а нежность — гноеми ржавым шприцем. Творчество — где лифт с Маяковским и Есениным возит в бессонницу, а запой становится синонимом стиха. Зрелость — где клятвы разбиваются о быт, а сын рисует на стенах те же строки, что и отец. Старость — где больница, капельница и сон о лифте, который застрял между этажами. И Смерть поэта — где лифт становится последним пристанищем. Где звучат голоса. Где на стене остаётся: «Я всех любил. Без дураков». Это книга о том, как поэзия пробивается через прозу — через кровь, водку, измены, больницы, одиночество. И о том, что даже в лифте, летящем вниз, можно успеть дописать последнюю строку.

© Юнусова А. Т., 2026

© Автор, 2026

Аделия Юнусова

Пеон и цезура

Санкт-Петербург, 2026 г.

Жизнь – суть поэзия, а смерть – сплошная проза.
Предельно траурна братва у труповоза.
Пол-облака висит над головами.
Гроб вытаскивают – блеск – и восстановлен лоб, что в офисе ему разбили арматурой.
Стою, взволнованный пеоном и цезурой!

Борис Рыжий, 1998 г.

I. Рождение

Я родился в больнице под утро в апреле*,
За окном яркий свет, тишина.
Внутри здания крики и стоны летели
До меня.
Внутри чрева – война.

Моя мать ненавидела эти минуты,
Они тикали, будто часы.
Шейка матки раскрылась – и в этой секунде
Я цеплялся за рёбра, за мышцы, за рвы.

Но сквозь пот, сквозь разрывы, сквозь красную мглу
Проступало тепло – её руки и пульс.
Я впервые услышал, как в этой войне
Кто-то шепчет: «Родись. Я молюсь».

Меня вытащил дядя в кровавых перчатках,
Появился я в семь сорок семь.
Пуповина пульсирует – и на схватках
Зажимом перекрыли мне дверь.

Плацента, как послесловие,
Выскользнула следом
– прощай, тепло.
Первый крик – мое многословие,
Что было Богом дано:

– Запихните обратно, зашейте плотнее,
Пока связь моя с матерью не порвалась.

Не успел – полупьяный отец взял за шею
И она от меня отреклась.

И когда пуповину разрезал хирург,
В этот миг, щелчок, в этот звук,
Кто-то в небе – не врач, не отец, не супруг —
Назвал имя моё – замкнулся круг.

Шкала Апгар: семь – восемь. Слизь на ресницах.
Первый вздох – и лёгкие, как два мешка,
Расправились.
Крик.
И в больничных глазницах
Зажглась, засветилась строка.

А потом – грудь, сосок, молозиво, вкус,
Первый такт, первый ритм и стих.
Я лежал и всасывал эту жизнь, эту грусть,
И не знал, что я среди них.

Даровали мне имя. Лежу на весах —
Три пятьсот, пятьдесят два – рост.
Цифры, которым в чужих голосах
Суждено обрести – «Христос».

Поэзия – начало жизни, а не её конец.
Собрались родственные души пить.
Укутать тельце в беленький венец.
И мне осталось только жить.

**Из стихотворения Б. Рыжего «Автопортрет»*

II. Детство

Мне шесть лет. Я реву. Я не хочу в садик.*
Предпочел бы я лучше друзей и весну.
Расцветает в апреле наш маленький градик.
Под порывами ветра иду и пою.

Но навстречу отец, опьяненный девяткой,
Разъяренный ловлю я удар.
Падаю.
В крови обмокаю перчатки,
И несу ему третий стакан.

Ждем мы маму вдвоем и сидим в тишине, —
Она потолок прогрызает.
Вдруг доносится шорох ключей в стене,
Через девять секунд добродетель вздыхает

От усталости.
Мама всегда устает.
Не хватает ей сил на объятия.
Но в тоске она твердо знать мне дает
Мировую любовь и принятие.

А когда поднялась температура под сорок,
И стены поплыли, как в синем огне,
Ко мне явился не доктор, не враг,
А кто-то в белом – он сказал в тишине:

«Там, за чертой, где не бьют и не пьют,
Где мама не плачет, а папа не злой,
Там все твои слёзы любовью сочтут,
Хочешь, пойдём? Там всегда есть покой».

А в школе, в классе втором, на уроке,
Я встал и прочёл стихи про весну.
Я старался, я верил, я видел сквозь строки
Ту самую детскую, чистую тьму.

А они засмеялись.
Учитель: «Садись».
И я сел.
Внутри что-то сломалось.
Стихи стали тем, что прячут, как мышь,
Чтобы снова не слышать: «Оставь эту шалость».

Мне семь.
Мне восемь.
Мне девять.
Бегу.
Я уже не реву
Я терплю, я молчу.
Я знаю, что мама устанет в плену,
А отец – он не злой, он просто ничью.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.